

К 30- летию Вели- кой Победы

ОБ ОГНЯХ-ПОЖАРИЩАХ, О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

Геннадий Никитович Пикалов работает шофером городского таксопарка, успешно выполняет месячные задания. Многие петропавловцы хорошо знают этого приветливого, общительного и внимательного человека. Бывший фронтовик, прошедший боевой путь от Сталинграда до Кенигсберга, воевал в Манчжурии, освобождал Харбин от японских захватчиков. Общественник. Редактор стенной газеты предприятия. Председатель совета ветеранов войны и труда. Его рассказы на «уроках мужества», на торжественных линейках и вечерах в подшефной школе слушаются с большим интересом. Г. Н. Пикалов — активный рабкор.

Сегодня мы начинаем печатать его солдатские воспоминания, посвященные 30-летию Победы над немецко-фашистскими захватчиками.

ЗИМА. Январь нового, 1975 года, в котором советские люди будут праздновать 30-летие Победы над фашистской Германией. Выходной день. Раннее утро. За окном лежит большой красивый город — самый восточный город нашей страны. Я не сплю. Я думаю. Голова моя заполнена воспоминаниями о боевых днях, которые мне и моим друзьям-однополчанам пришлось пережить, шагая с оружием в руках передним краем войны по бывшей немецкой земле — Восточной Пруссии.

Что больше всего вспоминается — боевые эпизоды, которыми до отказа были наполнены наши фронтовые будни?

Нет! Люди — командиры и бойцы, которые в упорных кровопролитных боях с фашистами вершили героические подвиги. О них мое слово.

В ОКТЯБРЕ 1944 года, после излечения по ранению в госпитале, я был направлен в запасной полк, который тогда находился где-то под Вильнюсом. Вскоре приехал к нам офицер из действующей на фронте части и стал отбирать себе связистов. В эту группу попал и я, потому что раньше был связистом в батарею истребительно-противотанкового полка. Капитан Дисский, который прибыл за нами, сказал, что мы зачисляемся в 15-ю гвардейскую Краснознаменную Неманскую орденов Суворова и Кутузова артиллерийскую бригаду, имеющую славные боевые традиции. А сам он является заместителем начальника связи. Это был молодой, стройный, выше среднего роста человек. Черты его лица необыкновенно нежные, мягкие, а редкие веснушки и бархатный тембр голоса придавали ему какую-то особую интеллигентность. Да и было ему чуточку более двадцати лет.

Короткие солдатские сборы. Роспись за аттестаты — и в путь. Фронтовой газик покати нас через Вильнюс. Ночевка в Каунасе — и дальше, к передовой линии фронта. Во второй половине дня мы добрались к месту назначения. Но штаба бригады и ее тылов на месте не оказалось. Она была на марше и уже переходила границу Восточной Пруссии и Литвы через речку Шушупе.

Меня зачислили связистом во взводу управления первой батареи первого дивизиона. Тот, кто испытывал резкую перемену обстановки и жизни, попав на передний край после многомесячного пребывания в тылу, поймет меня. Здесь все гудело, грохотало. Шли упорные бои — первые на территории врага.

С жесточайшим упорством фашисты оставляли свою землю. И если, освобождая Белоруссию от врагов, мы порой за сутки продвигались вперед по 30—40 километров, то здесь — по километру и меньше. Мне дали пять дней побыть на батарее. Оглядеться, прислушаться, обвыкнуться. Артиллеристы вели огонь с закрытой огневой позиции. Образы батарейцев, тепло встретивших меня, навсегда сохранились в моей памяти. Что греха таить: после ранения и запасного полка, где не особенно баловали харчем, я выглядел худым, совсем мальчишкой. Особую заботу надо мною взял старшина батареи Николай Шипулин. Он был родом из Шуи Владимирской области. То и дело окая в разговоре, он хлопотал надо мною неустанно. То велит повару Бирюкову получше накормить меня, то дает мне концентраты и котелок, чтобы я сам мог в любое время сварить себе кашу с салом, и я ел, ел без конца.

В те дни батарейцам было много работы. Стволы наших пушек-гаубиц не успевали остывать. Расчеты огневики днем и ночь вели уничтожающий огонь по вражеским позициям. Наступил час возмез-

дия. Мы шагали победным маршем по территории врага, как и мечтали все долгие годы войны. Огневики некогда было отдыхать в блиндажах. Спали у орудий. Здесь же ели. Руки артиллеристов заскорузлы. Воспаленные от недосыпания глаза. В ушах — вата. Это результат круглосуточных жестоких схваток с врагом. Это сотни и тысячи посланных в стволы орудий снарядов. Это бесконечные мощные залпы, с неимоверной силой давящие на ушные перепонки. Передо мною встают мужественные лица командиров орудий и их расчетов — сержанта Щупко, старшего сержанта Коваленко, старшего сержанта Богачева, наводчика Сергея Новожилова и многих других. Вечная слава тебе, наш боевой друг Сергей. Ты погиб страшной, геройской смертью, не покинув своего боевого поста — панорамы орудия в момент бомбардировки батареи самолетами врага. Бомба угодила между станинами. Это случилось в расположении фольварка Лукенен, уже в центральной части Восточной Пруссии, весной 1945 года.

А через четыре дня темной осенней ночью за мной пришел с передовой разведчик взводу управления батареи Лева Алешин.

Левка, друг мой ненаглядный, наш замечательный разведчик-артиллерист — на фронте и артист-универсал: акробат, борец и солист — в короткие часы солдатского отдыха, где ты, отзовись! У себя ли в Воронеже или в другом месте живешь?

Алешин тогда сказал мне, что одного связиста ранило. Его отправили в госпиталь, и командир батареи велел вызывать меня. Мы шли темной ночью на передний край мимо пылающих в пожарищах немецких фольварков — хозяйских усадеб, по полям, усеянным нашими и вражескими танками, трупами солдат. Примерно через час подошли к разбитому сгоревшему кирпичному дому. Мой проводник проворно юркнул в темный подвал этого дома. Я на минуту остановился. Все было так знакомо и так забыто за время пребывания в тыловом госпитале. Совсем рядом, за домом, разорвались две мины. В небе поминутно вспыхивали яркие ракеты. Строчили наши и немецкие пулеметы, огнем контролируя днем пристрелянные участки траншей. Передний край — рядом, в каких-то двухстах метрах от наблюдательного пункта нашего командира батареи, куда мы пришли с Левой.

Он окликнул меня, чтобы не отставал, и я вошел за ним в подвал. Здесь в одном из отсеков находились те, с кем с этой ночи и до последнего дня войны мне пришлось шагать с одного наблюдательного пункта на другой.

Гвардии капитан Мазуров Василий Иванович, командир батареи, выслушав мой доклад о прибытии для дальнейшего прохождения службы, сказал:

— Хорошо, садись, закуривай. Чувствуй себя, как дома.

Я закурил вместе со всеми, и посыпались вопросы: откуда родом, сколько лет, где воевал... Я сказал, что с Волги, астраханец, что мне исполнилось восемнадцать, воевать пришлось от Сталинграда. Затем была Белоруссия. И вот теперь — здесь. Мы подружались. И потекли фронтовые будни. Комбат наш оказался строгим, требовательным, но справедливым человеком. Храбрости ему было не занимать. Но самое замечательное качество его — был он прекрасным артиллеристом. На боевом счету нашей батареи — больше всех подавленных огневых точек и уничтоженных фашистов и техники врага.

Г. ПИКАЛОВ,
шофер городского таксопарка, ветеран войны.

(Продолжение следует).

ОБ ОГНЯХ-ПОЖАРИЩАХ, О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

Вот один из примеров его снайперского артиллерийского мастерства.

Ранней весной 1945 года первой ротой из батальона капитана Максимова, которого поддерживала огнем наша батарея, был взят фольварк «Ной посмален». Ночью нам было приказано перенести наблюдательный пункт (НП) в этот фольварк. Кстати, как и обычно, всякая дислокация на самом переднем крае производилась только ночью. Помню, как мы быстро шагали по открытому полю, шлепая валенками по мокрой, снежной жиже, покинув «обжитое» место в чеглубоком овражке на опушке леса. Но вот и фольварк. Дом разбит. Уцелели две стены, образуя угол. А внутри дома все смешано в общей свалке: и кровельная черепица, и кирпичи от стен, и мебель. Сарай, хлев — тоже разбиты, горят. Едкий дым вызывал удушье и слезы. Единственное место, где можно укрыться, — подвал. Мы спустились вниз и увидели тех, кто составлял роту из батальона Максимова. Их было не более двух десятков. Да, так зачастую были укомплектованы роты. Все остальное делал шквал артиллерийского и минометного огня. Вокруг — незнакомая местность. Мертвая тишина. Враг, о котором мы не знали ничего — сколько его и где он находится, — тоже не выдавал себя. Наш командир батареи вызвал по радио командира дивизиона майора Груничева и доложил обстановку. Он сказал, что, кроме нас, артиллеристов, и немногочисленной группы пехотинцев, больше ни души. Не подходят сюда НП минометчиков и других частей артиллерии и батарей «катюш», как это было обычно в последнее время. Очевидно, какая-то тревога вселилась в душу командира дивизиона за нас, взводууправленцев батарей, и он приказал отойти на прежний НП. Мы ушли, а пехотинцы по-прежнему остались на фольварке с протянутой к ним ниткой кабеля телефонной связи. Так прошла первая половина беспокойной ночи. А потом началось. Связист из фольварка сообщил, что их обстреливают фашисты. Тут же и мы услышали стрекотню автоматов. Жгучей болью защемило наши сердца за судьбу пехотинцев. А сигналы поступали все тревожнее: «Лезут напролом! А у нас есть раненные и убитые! Забрасывают гранатами! Патроны экономим, боезапасы на исходе. Мало людей, стараемся не подпустить к дому. Выбиваемся из сил. Просим помощи».

А в ответ им:

«Продержитесь до рассвета, только до рассвета! С рассветом вас выручим!»

И уже давно с накиннутыми на головы плащ-палатками сидели над картой при свете карманного фонарика два офицера: пехотинец и артиллерист, решая трудную задачу — как выручить ребят из тяжелого положения.

— Василий Иванович, — говорил капитан Максимов моему комбату, — давай обстреляем фольварк так, чтобы огонь был с трех сторон буквой «П»: с северной, западной, южной, и возможным выходом под прикрытием огневого налета с восточной стороны сюда, к нам.

Мгновенные расчеты на карте-километровке. Полетели стрелы на линейке от батареи на фольварк. Расчеты также молниеносно проверили, и теперь их надо было осуществить на деле. Мне — точно передать команду на батарею, а огневикам — точно выполнить. Пехотинцам сообщили о замысле выручки из беды и велели с рассветом быть готовыми отходить под прикрытием артогня. И вот забрезжил рассвет. Еще полчаса — и фольварк ясно виден даже невооруженным глазом. Пользуясь биноклем, комбат Мазуров передал мне первые команды. Потребовалось не более пяти-шести снарядов на пристрелку, и вот уже:

— Угломер — 5. Доворот от основного — 1-80 вправо. Осколочной гранатой. Заряд 8. Прицел 426. 8 снарядов. Батарея, беглый огонь!!! Прицел 431. 8 снарядов. Огонь! Прицел 421. 8 снарядов. Огонь!

Снаряды ложились со снайперской точностью, обкладывая врагов с трех сторон. И мы все увидели, как из дома выскакивали и бежали по полю, а то и ползли по-пластунски в нашу сторону оставшиеся в живых пехотинцы. И когда ушел последним связист, снаряды легли на дом. Фольварк окутался красной кирпичной пылью и дымом разрывов. Уставших, обессиленных, истекающих кровью пехотинцев, несущих с собою убитых товарищей, далеко еще в поле встретили взводууправленцы батареи. Все мы видели, как капитан Максимов и немногочисленные пехотинцы со слезами на глазах горячо трясли руки моему комбату.

А потом мы пошли вперед, не останавливаясь у этого фольварка ни на минуту. Залпы нашей батареи сделали свое правое дело. отбили у врага всякое желание оставаться даже на расстоянии от крошечного огненного ада, какой устроил им наш комбат.

* * *

ВОЙНА, как самый лучший испытатель людей, нередко выявляла в солдатах совершенно парадоксальные качества и способности. При храбром и умелом свойстве офицера-артиллериста по отношению к врагу наш комбат в то же время был до крайности застенчив. Особенно, когда речь заходила о девушках. Он не мог пить водку и ежедневные фронтовые сто граммов отдавал бойцам «для сугрева». А если случилось все же выпить, то сильно менялся в характере и разговоре. Тогда он более всего был похож на маминого сыночка. Душа его наполнялась лаской и умилением. Он вспоминал мать-старушку, ее теплые руки и ласковые слова: «Васенька, проснись, вставай, блинов тебе напекла». И обязательно, как бы по секрету, сообщал нам о том, что до сих пор еще ни с одной девушкой не прошелся под руку..

Потом, после войны с Японией, мы тепло проводили его в Корею. С тех пор я его ни разу не видел. Но знаю, что с собою он увез самую красивую девушку нашего гарнизона; да не будет преувеличением сказать, что и всего города Спасска-Дальнего. Это было ему наградой за храбрую и нежную душу. Счастья тебе, мой боевой командир!

* * *

НИКОГДА не забудется образ моего командира взводууправления батареи гвардии старшего лейтенанта Игоря Волосникова. Он был нашим общим любимцем, служил подлинным примером бесстрашия и мужества.

В самые опасные моменты, когда над головами витал огненный смерч артиллерийских налетов вражеских батарей, или когда цепи фашистов, контратакуя при поддержке «фердинандов» и «пантер», подходили к нашему наблюдательному пункту, когда все мы, волнуясь, затаивались мажорой, Игорь находил в себе мужество запевать свою любимую песню: «О чем ты тоскуешь, товарищ моряк, гармонь твоя стонет и плачет...» И песня его вселяла в нас бодрость, уверенность в том, что выстоим, победим. Помню, ему часто писал отец. Он был начальником военного училища в Алма-Ате. Отец просил его не воевать «на халтуру». Требовал драться честно, доблестно. Волосников и был доблестным воином. Это он сумел организовать и сплотить сержантов и бойцов взводууправления батареи в боеспособный, выносливый и дисциплинированный коллектив. Это под его руководством три разведчика, три связиста, два радиста, топограф, пом. комвзвода и он сам могли с началом темноты и задолго до рассвета выкопать два котлована под блиндажи НП в тягучей, глинистой земле; съездить или сходить в лес, напилить бревен на три наката; засыпать все это сверху землей и обложить дерном, не забыв замаскировать трубу печки. Молодость и здоровье побеждали все трудности и, конечно, главное — организованность и сознание исполняемого долга. Да, Игорь был замечательным командиром-организатором. Но война есть война. Она, как прожорливая топка котла, требовала бесчисленных человеческих жертв. Я не знаю, остался ли он в живых. Он подорвался на противопехотной мине врага. Помню, как мы со старшиной батареи Шипулиным посетили его в медсанбате, придя проводить в тыловой госпиталь. Он и тогда, едва выговаривая слова от слабости, бледный и обескровленный, находил в себе силы, чтобы сказать что-то шутивное. Как бы хотелось верить, что Игорь выжил, победил смерть.

* * *

КАК самую дорогую реликвию военных лет, до сих пор я храню записную книжку моего командира отделения радиосвязи гвардии сержанта Перепелкина Василия Терентьевича. Молдаванин, родом из города Дубоссары. В этой книжке сохранились артиллерийские команды нашей батареи для ведения огня по пехоте и огневым точкам противника. Здесь же адреса того времени его родных и друзей. Василий Терентьевич был кадровым бойцом и, как и многие, не дослужил до конца кадровую довоенную службу. За всю войну он ни разу не был ранен или контужен, если не считать незначительной царапины на руке от упавшего сверху осколка зенитного снаряда. Это случилось во время жарких боев за удержание плацдарма на западном берегу реки Неман. Но ему, как и многим другим, не суждено было дожить до счастливого Дня Победы. Весной 1945 года во время ожесточенных боев на одном из участков автомагистрали Кенигсберг — Берлин он был убит наповал разрывной пулей.

Г. ПИКАЛОВ,
шофер городского таксопарка, ветеран войны.

(Продолжение следует)

(Начало в № за 30 января с. г.)

К 30-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ ОБ ОГНЯХ-ПОЖАРИЩАХ, О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

Но и теперь, при каждом случае, когда приезжаю в Калининград, чтобы поклониться праху боевых друзей, я всегда показываю своим спутникам двухэтажный дом, где был наш НП, и тот, до сих пор совершенно голый, открытый участок земли, где в течение двух дней командир роты поднимал в атаку бойцов. Но атаки одна за другой захлебывались. Враг хорошо окопался в кюветах автострады. Это было недалеко, между двух сел, ныне называемых Новоселово и Пограничное Ладушкинского района. Мне пришлось везти на «шевроле» мертвого командира отделения в тыл — на батарею. Там и схоронили мы его со всеми воинскими почестями на опушке леса под залпы винтовочных и автоматных выстрелов, под артиллерийскую канонаду всего фронта. Замполит дивизиона майор Скрипкин произнес волнующую речь. Выступали, прощаясь, бойцы и командиры. Клялись в боях отомстить врагу за смерть своих товарищей. И никто не стеснялся слез. Василий был посмертно награжден орденом Красной Звезды. Долгое время я переписывался с его сестренкой Галей. Утешал, как мог ее и стариков — отца и мать. Галя все звала меня в гости. Обещала угостить хорошим молдавским вином. Но житейские обстоятельства не позволили ни разу побывать в семье моего командира.

* * *

Я НЕ ПОМНЮ и места захоронения нашего радиста Василия Морозова. Дороги войны неудержимо звали вперед, а могилы и обелиски погибшим бойцам были вехами на этом тернистом, кровавом пути. Но очень хорошо помню светлый образ простого человека-труженика и бойца, отдавшего свою жизнь, как и многие другие, за то, чтобы жили мы.

А погиб он так. Однажды Морозов с радиостанцией «Р-10» на НП комбата остался один. Обычно было по два радиста. Разведчики, наблюдавшие за врагом в соседнем фольварке, что был от НП в километре, заметили, что немцы зашевелились, нарушая дневную маскировку. Комбат насторожился и приказал вызвать по телефону старшего офицера батареи. Но связи по телефонному проводу не было. Где-то был порыв. Комбат приказал использовать рацию. Морозов тут же включил ее. Но и рация не дала нужной связи. Оказался очень слабым щелочной аккумулятор. Василий понял свою оплошность и то, к чему она могла привести. Он мигом вскочил на ноги, схватил стоявший в углу телефонный аппарат и, громко крикнув товарищам: «Связь будет!» — ударил в дверь, выскочил во двор фольварка, схватил пучок соломы и, зажав в нем телефонный провод, бросился бежать со всех ног в сторону батареи, по пути оттолкнул с дороги старичка-связиста, неторопливо шлепающего по грязи с катушкой за плечами, который был послан на исправление порыва. Потом старичок Виноградов рассказывал, как он увидел Василия Морозова, издали шедшего навстречу по шоссе. Морозов махал Виноградову рукой, подавая знаки, мол, возвращайся назад, на НП, есть связь. Но внезапный налет вражеских снарядов на шоссе вывел из строя дорогу, где пробегали наши машины с передовой в тыл и обратно, оборвал жизнь Василия Морозова, простого деревенского паренька со Смоленщины.

* * *

С ГЛУБОКИМ чувством уважения и благодарности я, как и многие мои боевые друзья-однополчане, вспоминаю командира взвода управления второй батареи лейтенанта Владимира Докучаева и его полвиг. Однажды на участке НП командира второй батареи, который находился вблизи от нашего НП, сложилась крайне напряженная обстановка. Сам комбат был вызван в штаб дивизиона на офицерское совещание, и на НП оставался лейтенант Докучаев. В это время фашисты

резким рывком бросились в контратаку. Цепь фашистов, поддерживаемая с флангов двумя танками, быстро продвигалась вперед. Попытка отбить атаку наличными средствами техники и живой силой не увенчалась успехом. Фашисты напирали и вскоре оказались у самого НП. Казалось, бой будет проигран. Некоторые из немногочисленных наших пехотинцев попятились назад. Стали отбегать к лесу, что стоял густой стеной за НП. Офицер личным примером вернул их в цепь, организовал отпор врагу. Но до НП гитлеровцам уже оставалось прошагать не более полсотни метров. И вдруг шквал огня накрыл и НП, и врагов, что были у его стен. Это в подвале кирпичного домика спокойно и сосредоточенно лейтенант Докучаев вызывал огонь на себя.

Командир дивизиона майор Груничев давно прервал со вещание офицеров и кричал в микрофон: «Молодец, Володя, держись, сынок, бей гадов всем дивизионом. Даю тебе весь дивизион!».

Фашисты не прошли. Они были положены навсегда у стен НП. Здесь же дымились два вражеских танка. А через несколько дней крупным осколком от снаряда шестиствольного миномета Володю Докучаева тяжело ранило.

ТЕПЕРЬ, в мирное время, каждый год в день празднования Победы я приглашаю своих новых друзей по работе за праздничный стол и с естественной гордостью показываю сохранившиеся фотокарточки однополчан, с кем свели меня и породнили фронтовые будни. Это — разведчики Лева Алешин, Саша Ефимов, Миша Колесов, Андрей Грачев, связисты Федор Герасименко, Василий Пономарев, офицер Михаил Васильев и другие. Где же вы теперь, друзья-однополчане? Отзовитесь! Приглашаю вас на Камчатку. Супруга моя угостит вас нашим традиционным астраханским пирогом с рыбой и капустой, а я налью бокалы русской горькой. Мы выпьем за тех, кто шел рядом с нами дорогами войны, но не дошел до Дня Победы! Мы выпьем за тех, кто остался жив, и в мирные дни честно трудится на благо любимой Отчизны.

Годы бегут быстро. Вот уж почти и канун тридцатого Дня Победы. Тем, кто едва успел захватить войну — уже под пятьдесят. Пройдут десятилетия, и на земле — на всей нашей планете, наверное, не останется в живых человека, который мог бы сказать: «Да, я воевал!» И чем реже ряды ветеранов войны и труда, тем дороже для молодых поколений должна быть память об их делах.

Мы возлагаем венки и цветы на могилы бойцов, павших на поле брани. Это для нас святой закон жизни. Но и живым памятникам и легендам — ветеранам прошедшей войны — везде отдаются почести. Спасенный мир преклоняет свои головы перед ветеранами войны, с чувством вечной благодарности. Они окружены заботой и вниманием коллективов предприятий, учреждений.

Здоровье ветеранов подорвала война, но они, без малейших скидок на годы, успешно выполняют государственные планы предприятий.

Ветераны войны и труда в абсолютном большинстве своем скромные, честные, дисциплинированные, трудолюбивые, неутомимые общественники. И эти прекрасные качества пожилых людей надо всячески оберегать и поощрять. На таких качествах наша молодежь, наша смена должна учиться любить свою Родину, жить и работать. От всей души поздравляю всех фронтовиков с 30-летием нашей Победы, желаю всем ветеранам войны и труда доброго здоровья, долгих лет жизни, огромного личного счастья. Хочется сказать вам:

— Мы не воевали вместе, но и в мирные дни нас объединяет чувство фронтовой неподкупной дружбы!

Никто не забыт! Ничто не забыто!

Г. ПИКАЛОВ,
шофер городского таксопарка, ветеран войны, ефрейтор запаса.

Окончание. Начало в №№ за 30 и 31 января.